

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ МЫСЛИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК: 72.036
ББК: 85.113(2)6

Духанов Сергей Сергеевич

кандидат архитектуры, доцент,
Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия,
Новосибирск, Россия, e-mail: ssd613@ngs.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу развития архитектурно-градостроительной мысли в городах Западной Сибири в годы войны. На первый взгляд, условия глубокого тыла и периферийное по отношению к основным архитектурным центрам Советского Союза положение Сибири не могли этому способствовать. Но на самом деле военный период оказался для развития профессиональной мысли наиболее плодотворным. Во-первых, творческие поиски в среде местных архитекторов были активизированы контактами с эвакуированными в Сибирь ведущими зодчими страны, а завязавшиеся творческие связи получили развитие и в послевоенный период. Во-вторых, чрезвычайные условия функционирования западносибирских городов военных лет стимулировали интерес к изучению градостроительской информации. В итоге за годы войны расширился кругозор местных архитекторов. В их среде усилились тенденции к реализму. Возник интерес к изучению местных условий.

Ключевые слова

*архитектура военного периода, история советского градостроительства;
градостроительство Западной Сибири*

Исследование выполнено при финансовой поддержке: гранта РААСН для молодых ученых и специалистов на 2014 г.; Министерства образования и науки России в рамках научно-исследовательского проекта по программе «Формирование государственного задания высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ» (задание №2014/137).

Введение

Значение военного периода для развития архитектурно-градостроительной мысли в Западной Сибири заключалось в том, что на несколько лет сибирские архитекторы, до этого бывшие на далекой периферии, приобщились к «магистральному потоку» советской архитектуры. Эвакуация в Сибирь ведущих советских зодчих и чрезвычайные события военных лет должны были серьезно изменить условия для творческих поисков. При этом необходимо иметь в виду, что, как отмечает Ю.Л. Косенкова, именно в 1943–1946 гг. шло интенсивное формирование концепции послевоенного советского города [1, с.18–19]. И поэтому «исследование сложившихся в военные и послевоенные годы особенностей архитектурно-градостроительного мышления и способов практической работы с городом – ключ к пониманию не только общей логики градостроительного процесса 40-х – начала 50-х годов, но и характера архитектуры этого периода» [2, с. 5]. Между тем, в работах по истории архитектуры и градостроительства Западной Сибири XX века вопрос развития архитектурно-градостроительной мысли в годы войны не получил всестороннего освещения. Только С.Н. Баландин проанализировал творческие взгляды сибирского архитектора А.Д. Крячкова военных лет и его разработки для упрощенного строительства [3, с. 121–125]. Им же была рассмотрена работа Новосибирского инженерно-строительного института (Сибстрина) в годы войны [4, с. 40–43]. В других работах, как правило, лишь затрагивались вопросы, связанные с нарушением

довоенного зонирования, отмечалось присутствие эвакуированных архитекторов и участие проектировщиков в упрощенном промышленном и жилищном строительстве [5, с. 86–90; 6, с. 141–144; 7, с. 69]. Но сами творческие процессы в среде местных архитекторов в годы войны и роль возникших в этот период идей для послевоенного развития западносибирских городов оставались неизученными.

Цель работы: анализ архитектурно-градостроительных идей, возникших в Западной Сибири в период Великой Отечественной войны. Задачи исследования:

- выявить актуальные для условий Западной Сибири идеи, возникшие в этот период.
- выявить источники и факторы возникновения этих идей.
- проанализировать значение этих идей для архитектурно-градостроительного развития городов Западной Сибири в послевоенный период.

Методика исследования – сопоставительный анализ свидетельств архивных материалов о развитии архитектурно-градостроительной мысли: выявление идей, озвученных в Западной Сибири в военные годы и их сопоставление с идеями довоенного и послевоенного периодов, а также с общесоветским контекстом.

В годы войны из Европейской части страны в Западную Сибирь были эвакуированы такие крупные проектные, научные и образовательные организации, как Гипрогор и Промстройпроект, бригада Академии архитектуры, Московский строительный институт – в Омск и Новосибирск, Ленинградский институт инженеров коммунального строительства – в Барнаул. Одним из важных источников для изучения творческих процессов в архитектурной среде Западной Сибири являются материалы Новосибирского областного отделения Союза советских архитекторов. Новосибирское отделение в годы войны охватывало большинство работавших в Западной Сибири членов Союза. Большая часть эвакуированных в Западную Сибирь архитекторов, в том числе крупных мастеров, и бригада Академии архитектуры также работали в Новосибирске. До 1943 г. в состав Новосибирской области входили будущие Томская (с Томском) и Кемеровская (с Кемерово и Сталинском) области. В течение 1940–1943 гг. Новосибирское отделение открыло свою секцию в Барнауле (1940)¹ и организовало работу отделений в Омске, Красноярске, Иркутске, Сталинске и бюро в Томске (1942)². В послевоенное пятилетие Новосибирск продолжал оставаться архитектурным центром Сибири. В 1947 г. из 250 архитекторов, членов Союза архитекторов, работавших на Урале и в Сибири, свыше 100 работали в Новосибирске³. Таким образом, материалы Новосибирского отделения дают наиболее представительную и полную выборку по творческой жизни архитекторов в Западной Сибири в годы войны.

Программа действий. Из материалов Новосибирского областного отделения Союза Архитекторов следует, что наиболее сильное и, главное – целенаправленное влияние на развитие архитектурно-градостроительной мысли оказали работники бригады Академии архитектуры: ленинградские архитекторы и инженеры А.И. Гегелло, В.А. Гофман, В.Ф. Райлян и др. Выступления архитектора А.И. Гегелло и инженера В.А. Гофмана на заседаниях Новосибирского отделения Союза в 1943–1944 гг., подводившие итог их работы в эвакуации, представляли собой настоящие перспективные программы по развитию архитектурных сил Западной Сибири.

Гегелло, оказавшись в Новосибирске, с первого взгляда отметил «низкий уровень архитектурной культуры», который наиболее ярко проявился в низкой культуре архитектуры деталей, «некоторые из них просто убийственны»⁴. Характерно, что он не обличал, а пытался понять причины негативных явлений: «беда ваша была в том, что <...> здесь слабы кадры, которые либо получили образование здесь, где с этим вопросом дело обстоит неблагоприятно, либо молодые архитекторы, приехавшие из центра. У Вас не было ведущих архитекторов, не было мастеров, хотя бы двух-трех человек и вы должны были сами работать и учиться – это слишком усложняло работу. <...> Вам приходилось вариться в собственном соку. Это беда наших городов периферии и архитекторов, работающих там»⁵. Поэтому Гегелло самым

главным считал вопрос самообразования местных архитекторов – «путем работы над собой»⁶. А для этого было необходимо «снова закрепить творческую организацию»⁷. Верно оценив те возможности, которые давала концентрация в Новосибирске эвакуированных специалистов, Гегелло принял самое активное участие в организации курсов для местных архитекторов. Он говорил о необходимости того, чтобы «наши курсы повышения квалификации охватили большой контингент <...>. Надо, чтобы крупные мастера-архитекторы помогали разбираться, помогали работать над собой, потому что в конце концов, мы все советские архитекторы из одного теста, но одни попадают в такие условия работы, как в Москве, Ленинграде, а другие [–] в такие условия, что работают над тем, что есть. Нужно тут стать на такую точку зрения, что это дело общее и без взаимной помощи нельзя обойтись». Вполне осознавая надвигающуюся реэвакуацию, как и то, что «трудно заполучить крупных мастеров для постоянной работы», он сделал все от него зависящее, чтобы установить более тесную связь между Сибирью и Ленинградом после войны. Он же высказал и активно продвигал в Москве идею об организации Сибирского филиала Академии архитектуры в Новосибирске, потому что тогда «эта помощь будет активной»⁸.

Инженер Гофман в своем выступлении в апреле 1944 г., возможно, учитывая присутствие работников горкома, основной акцент сделал на нормализацию бытовых условий работы Новосибирского отделения. Прежде всего, он считал необходимым добиваться открытия в Новосибирске Дома архитектора, чтобы развернуть творческую и общественную работу, курсы повышения квалификации, библиотеку и т. д., «чтобы все члены Новосибирского Отделения Союза советских архитекторов могли как следует выполнять свои задачи, задачи ответственные и почетные»⁹. Он призывал к объединению местных архитектурных сил, «так как это общий коллектив, который взаимно друг другу помогает» и установлению более тесных контактов с единственным на то время в Новосибирске архитектурным вузом – Сибстрином. В связи с этим он считал «очень важным обстоятельством» борьбу Союза за открытие в Сибстрине архитектурного факультета¹⁰. Если осуществление организационно-административных мероприятий, предложенных именитыми ленинградцами, затянулось до конца 1950-х гг., то эффект от некоторого улучшения бытовых условий и запущенных благодаря этому массовых курсов повышения квалификации сказался уже к концу войны.

Курсы повышения квалификации. Анализ выписок из так называемых «дневников работы» Новосибирского отделения за 1941–1945 гг. показывает, что в распределении курсов и мероприятий довольно отчетливо прослеживаются два этапа. В течение первого (1941–1943) шла в основном практическая работа на производстве и производственные мероприятия: курсы военно-инженерного строительства, мероприятия, связанные с упрощенным малоэтажным строительством (совещания, консультации ведомственных застройщиков, конкурсы типовых проектов и т. п.). В течение второго этапа (1943–1945) резко возрастает лекционная работа, начинает разворачиваться работа кружков по рисунку и акварели и по изучению иностранных языков. С 1943 г. начинают проводиться творческие конкурсы по архитектурному оформлению площадей города. Мероприятия по упрощенному строительству к концу войны меняют свою направленность: теперь они идут под лозунгом «помощи индивидуальному застройщику»¹¹. В 1944 г. для архитекторов был проведен цикл занятий по планировке и градостроительству населенных мест (11 лекций), включавший большой раздел по инженерно-техническим вопросам. Лекции читали крупные эвакуированные и местные архитекторы и инженеры¹². Целая серия радиопередач для населения, докладов и статей была посвящена истории сибирской архитектуры и народному зодчеству. Архитектор Д.И. Козьмин выступил с докладами и обзорами иностранной литературы по градостроительству и архитектуре («Обобщение опыта англо-американского поселкового строительства и планировки городов США и Англии», «Иностранная архитектурно-строительная практика», «Архитектура общественных зданий в освещении американской периодической литературы» и т. п.). Архитекторы Д.И. Белогорцев и И.И. Соколов-Добрев выступили с серией докладов и радиопередач по обобщению опыта

планировки сибирских городов в советский период¹³. Поддержка бригады Академии архитектуры и Московского строительного института помогли шести новосибирским архитекторам за два с половиной года разработать и успешно защитить докторские и кандидатские диссертации¹⁴. В этой обстановке сложились в целом благоприятные условия для принятия и воплощения новых архитектурно-градостроительных идей.

Связь архитектуры и местных условий. Работая в экспертном совете Управления главного городского архитектора, московские и ленинградские специалисты стремились привить рядовым проектировщикам проектную и градостроительную культуру. Инженер В.Ф. Райлян и архитектор А.И. Гегелло призывали проектировщиков к увязке планировочного и архитектурно-конструктивного решений с ситуацией, очередностью и условиями строительства. Так, А.И. Гегелло в заключении на проект городского моста через реку Тулу обращал внимание на специфичный, «резко асимметричный профиль сечения русла реки и ее берегов». Он возражал против «сугубо утилитарного» подхода и предлагал увязать конструкцию моста с рельефом. Это давало более изящное и экономичное конструктивное и архитектурное решение, а также значительно упрощало производство строительных работ¹⁵. В сфере самообразования А.И. Гегелло призывал сибиряков больше изучать «то, что у вас под руками»: сибирское архитектурное наследие Томска, Омска и Барнаула, прежде всего деревянную архитектуру¹⁶. В связи с этим закономерно, что именно в годы войны сибирский архитектор А.Д. Крячков подготовил исследование о влиянии климата на архитектуру Сибири¹⁷, а «массовое деревянное строительство военного времени заставило арх. Е.А. Ащепкова глубоко изучить и обобщить приемы старой народной архитектуры сибиряков»¹⁸. В то время обе работы имели прежде всего практическое значение. Характерно, что уже в 1944 г. в одном из докладов местных архитекторов, где повторялись многие мысли, высказанные А.И. Гегелло, появилась новая трактовка идеи о необходимости увязки архитектуры зданий с местными условиями. Докладчик бросал упрек «слабой творческой самостоятельности» довоенных лет, когда местные архитекторы «шли под сильным гипнозом москвичей и в первую голову школы Жолтовского». Неудачное же воплощение в материале «заимствованной культуры» он связывал с игнорированием местных проектно-строительных условий, которые сильно отличались от Москвы и Ленинграда. Неудивительно, что воспроизведение столичных образцов в Сибири «давалось [...] с обильным потом»¹⁹. Соответственно, этот не поименованный архитектор ставил «вопрос о самобытности, лице нашей архитектуры». Он считал, что решение этой проблемы, которую «не следует вульгаризировать, как специфически сибирский стиль», надо искать «в использовании местных материалов, мотивах народного зодчества, учете природных условий, накладывающих отпечаток на формы и образ сооружения»²⁰. Таким образом, приезжие мастера сумели пробудить у местных проектировщиков интерес к Сибири и изучению ее особенностей.

Идея целостной городской среды. Столичные мастера активно внедряли представления о градостроительной культуре. Для многих архитекторов Новосибирска стало подлинным открытием выступление А.И. Гегелло, в котором он охарактеризовал архитектуру центра города как провинциальную не из-за отсутствия ярких по архитектуре зданий (наоборот, их оказалось достаточно), а из-за отсутствия у авторов стремления к взаимной архитектурно-градостроительной увязке своих произведений. Таким образом, провинциальность заключалась в нежелании местных архитекторов формировать в 1930-е гг. целостную городскую среду. По мнению Гегелло, постройки, оформлявшие площади правобережного Новосибирска, «показывают, насколько архитекторы, принимавшие участие в застройке центральной части города, мало думали о том, чтобы создать что-то единое <...> начиная от объемного понятия и кончая цветным». Относительно зданий на главной площади он отмечал, что «никто не подумал, что как-то нужно их объединить, привести в единый характер, даже не единый характер архитектуры, но добиться того, чтобы здания не спорили друг с другом и являлись бы основным фоном, окружающим площадь, особенно фоном, подпирающим здание Дома

Рис.1. Площадь им. И.В. Сталина в Новосибирске. а) Фотография 1930-х гг. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп.5. К.1. Л.6. Ф.2; Л.51. Ф.1. б) Фотография 1940-х гг. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп.5. К.1. Л.48. Ф.2. в) Проект реконструкции центра Новосибирска, февраль 1950 г. Архитектурно-планировочная мастерская Новосибирского городского отдела по делам архитектуры [8, с. 308]

Науки и Культуры». В противовес правобережным площадям первой половины 1930-х гг., Гегелло приводил ряд домов конца 1930-х гг. на левом берегу Оби, которые производили неплохое впечатление именно потому, что в них «отсутствует стремление перекричать другие дома, отсутствует стремление выделиться из ряда домов, есть очевидное желание увязаться с соседями»²¹. Призыв думать о городе в целом, о формировании потенциальных ансамблей, а не о создании «авторских памятников» был услышан, о чем свидетельствует послевоенный период. Здания на пл. Сталина, названные Гегелло, были уже в конце 1940 – 1950-х гг. реконструированы и ценой потери заостренной индивидуальности приобрели единый масштаб и стилистику (рис.1). В конце 1940 – начале 1950-х гг. большую известность в городе получили работы архитектора Н.Ф. Храненко, который на практике реализовывал принципы целостной городской среды. Храненко создавал микроансамбли из двух кварталов или даже зданий, увязывая объемно-планировочную композицию своего, более позднего объекта, с уже построенным²². Это было одной из первых попыток в Новосибирске архитектурно увязаться с предшественниками. Таким образом, уроки ленинградской градостроительной культуры военных лет не были забыты.

Роль градovedческих знаний. Ситуация в западносибирских городах военного времени сама по себе должна была вызвать интерес к градovedческой информации. Приобщение к литературе и исследованиям ведущих градостроителей позволило местным проектировщикам иначе взглянуть на особенности западносибирских городов. Так, при обсуждении планировки Новосибирска в августе 1944 г. выступавшие архитекторы и инженеры высказывались за перенесение эпицентров общественно-культурной жизни (общественных зданий и сооружений)

с периферии в центры городов. Характерно, что при этом они апеллировали не только к архитектурным, но и к социально-культурным соображениям²³.

До войны во многих городах Западной Сибири разрабатывались проекты огромных так называемых Централных парков культуры и отдыха (ЦПКиО) общегородского значения. Однако вопреки своему названию, все они располагались на периферии городов в естественных зеленых массивах: считалось, что их экономичность сводится к экономии на древесонасаждениях. В Новосибирске с 1930 г. проектировалось два таких парка – Правобережный и Левобережный (пойменный), в Сталинске парк планировался выше города по течению Томи, и так же, как и в Новосибирске, в направлении, противоположном основным трудовым потокам. В Омске парк, который должен был играть и ветрозащитную роль, проектировался на другом берегу Иртыша, но напротив общественного центра. Война положила конец этим прекраснотдушным проектам. По словам А.М. Дворина, «практика показала, что в очень многих городах сначала ухватились за эти Парки культуры и отдыха, а сейчас ориентируются на обычные городские сады, которые посылно освоить и поднять каждому городу, ибо парк на 150 гектар мы строили-строили, а [в итоге] ничего не сделали». Напротив, «если бы эти материалы и средства затратить на сад меньшей площади – эффекта получилось бы больше»²⁴. Закономерно, что в послевоенный период основные усилия в западносибирских городах были сосредоточены на создании и благоустройстве небольших парков и скверов в центрах сложившейся застройки (рис. 2). Даже в Омске, так нуждавшемся в защите от пылевых бурь, ЦПКиО на левом берегу Иртыша отошел на перспективу. Зато в историческом центре в 1940 – начале 1950-х гг. силами Омскоблпроекта был сформирован целый ансамбль скверов с эффектными фонтанами, цветниками и малыми формами [7, с. 90–95]. Как показал В.С. Кузеванов, изучавший материалы Омского отделения ССА, архитекторы изначально действовали комплексно: исходили из интересов города и стремились сформировать его «архитектурное лицо». Уверенные в общегородском значении своего дела, они одолели сопротивление предприятий, пытавшихся занять эти участки ведомственным жильем [9, с. 112–113].

А.М. Дворин считал, что по меньшей мере часть учебных заведений, занятых заводами, в послевоенное время «нужно перенести в центр [города]», поскольку «высшие учебные заведения и вообще учебные заведения, как архитектурный объект играют большую и положительную роль в городском ансамбле»²⁵. Это отвечало ансамблевому подходу – установке на концентрацию крупных капитальных зданий в центральных районах для «успешной реконструкции центра, придания ему архитектурного лица»²⁶. Дворин считал, что в условиях Сибири, где овраги глубоко проникали в застройку, приближение вузов ближе к центральной части города возможно за счет свободных приовражных территорий, так как вуз «может осваивать территории с таким рельефом, на котором жилое строительство затруднено»²⁷. Архитектор Г.Ф. Кравцов не только целиком разделял эту точку зрения («в городах подобных Новосибирску учебные заведения должны быть выстроены только в центре»), но и указывал на общественно-культурную выгоду такого подхода, ведь «тогда и народ этих учебных заведений будет больше связан с жизнью города»²⁸. Это было значимым достижением: по меньшей мере, часть архитекторов осознала, что особенности территориального размещения различных по функции объектов определяют также и специфику культурного пространства города. В послевоенный период в Новосибирске, Омске и других западносибирских городах была предпринята настойчивая попытка приблизить вузы к центрам, что во многом удалось благодаря расширению самой застраиваемой территории, включившей в себя и участки, выделенные для вузов.

Все эти идеи во многом перекликались с идеями представителей градостроительского подхода²⁹, например с идеями Ю.Г. Круглякова (Ленинградский научно-исследовательский институт коммунального хозяйства) – сторонника В.Г. Давидовича и Г.В. Шелейховского. В 1930–1950-х гг. Кругляков исследовал факторы, влияющие на посещаемость московских и ленинградских ЦПКиО, которые служили моделью для всего СССР и, в частности для Западной Сибири. Используя «социофункциональный» метод анкетирования, Кругляков

Рис. 3. Проект общегородского и областного центра в Томске (эскиз), 1945. Гипрогор. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 9. Л. 12. Ф. 5.

мощных рек, последние так и не стали эпицентрами градостроительной активности. В отличие от городов Поволжья, в Западной Сибири доминировал железнодорожный транспорт, а неблагоустроенные реки из-за сезонных паводков представляли серьезную угрозу. Поэтому в довоенный период все новое строительство, как правило, получало в Западной Сибири глубинное по отношению к рекам положение. Но к концу войны у местных проектировщиков наступила своеобразная «историческая амнезия» и в 1940-е гг. среди них формируются две тенденции использования рек в планировке. Сторонники одной тенденции считали, что необходимо благоустраивать уже имевшиеся эпицентры застройки – исторические районы и рабочие поселки предприятий. Это означало продолжение довоенного развития городов в глубь от рек. Напротив, сторонники второй доказывали необходимость, по опыту городов Европейской части Союза, «идти к рекам». Сторонники обеих тенденций стремились «объединить» раздробленные города. Но одни собирались сделать это вокруг исторических и промышленных районов, за счет сохранения пешеходной доступности. А вторые – вокруг рек. Свою лепту в формирование «речной» тенденции внесли эвакуированные из европейской части страны архитекторы. Они не могли понять, почему западносибирские города «отвернулись» от своих рек, которые превратились на генпланах в «полосы отчуждения». Профессор В.А. Гофман из Ленинграда приводил пример Санкт-Петербурга, где несмотря на угрозу паводков, город сразу строился на Неве. Он считал, что «генеральная планировка города Новосибирска не учитывает того, что берега Оби наклонны и на этих берегах может быть отлично построен город с прекрасным видом с одной стороны реки и с другой стороны реки»³².

Рассчитывать на крупные государственные ассигнования для благоустройства рек было нельзя. В результате идея выхода застройкой на реку в разных городах Западной Сибири получила противоположное объемно-планировочное решение. В таких исторических городах Западной Сибири, как Омск, Томск и старая часть Кемерово (бывший Щегловск), застройка

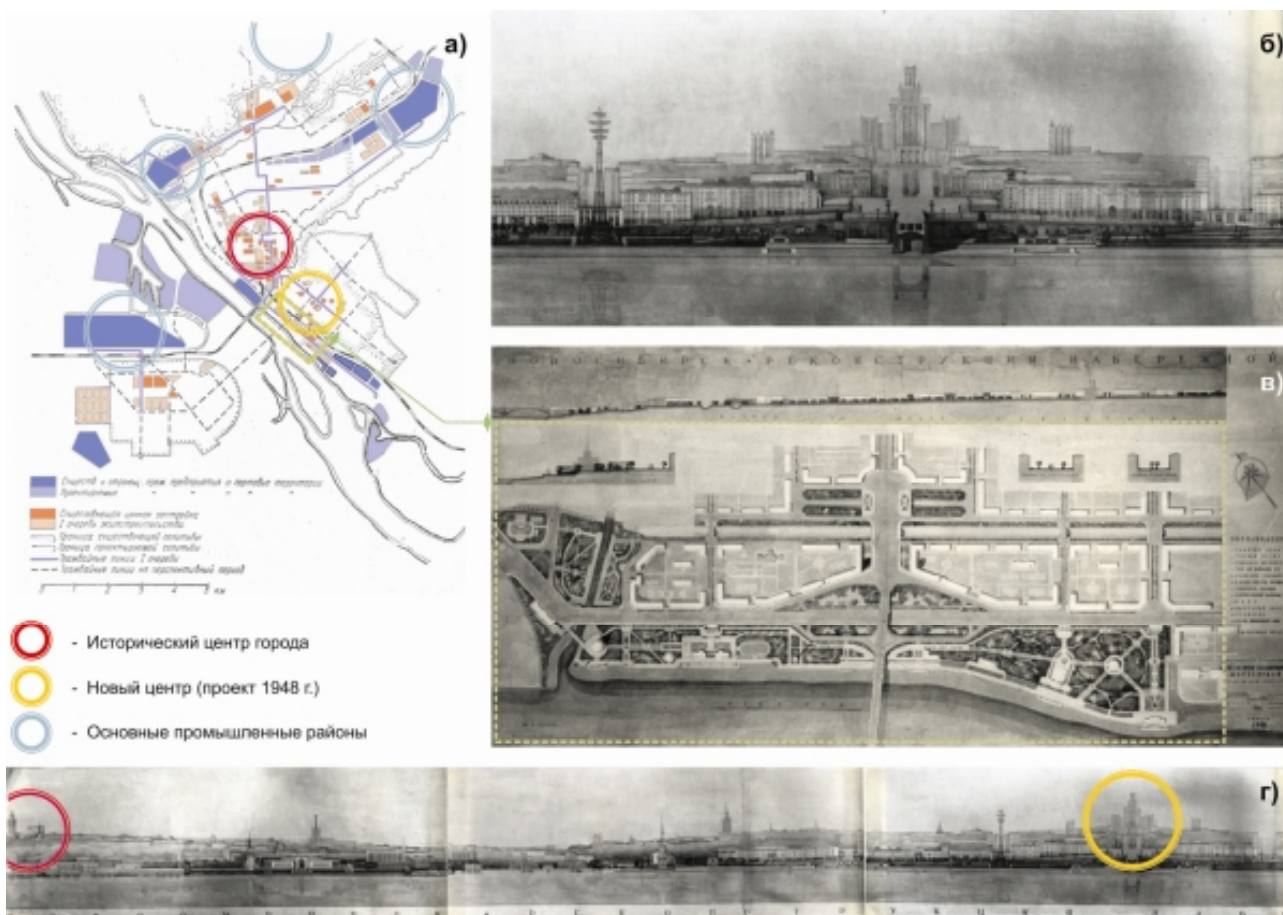

Рис. 4. Проблемы многоэтажного строительства в Новосибирске в 1940-е гг. (прорисовка цветом – С.С. Духанов)
 а) Очередность развития промышленных предприятий, жилищного строительства и трамвайной сети г. Новосибирска, 1947 г. Источник: Давидович, В.Г. Планировка городов. Инженерно-экономические основы. М.-Л., 1947. Рис. 162. С. 258. б), в), г) Проект реконструкции набережной в Новосибирске, апрель 1948 г. Фрагменты развертки, генплан. Архитектурно-планировочная мастерская Новосибирского городского отдела по делам архитектуры. Источник: ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 308. Л. 15в, 16, 15а-15в.

фрагментарно вышла к рекам еще до войны. В этих городах были проведены некоторые мероприятия по укреплению береговых откосов, подсыпке и обваловке территорий. Кроме того, Томск и исторический Омск располагались на одном берегу. Соответственно, в этих городах «выход к реке» планировался за счет устройства площадей со скверами и относительно скромными общественными зданиями³³ (рис.3). За счет вложений предыдущих лет можно было с незначительными средствами продолжать дальнейшее благоустройство и застройку набережных. Например, в Омске уже на 4-ю пятилетку было намечено строительство набережной длиной 2 км³⁴.

Совершенно иная ситуация сложилась в Новосибирске. Для благоустройства реки требовалось единовременно вложить огромные средства. Архитекторы вполне сознавали, что пойма Оби достигала ширины 2-3 км и для композиционного «удержания» столь колоссального открытого пространства с обоих берегов требовались очень крупные сооружения. Поэтому они считали, что «этот ансамбль, который будет открываться перед такой широкой рекой, как Обь, должен быть из крупных зданий. Во всяком случае, этажность зданий должна соответствовать этим огромным масштабам, огромным просторам своей высотой, своими размерами»³⁵. Их оппоненты с сарказмом указывали на то, что строительство «семиэтажных жилых домов с башнями» в Западной Сибири, где даже в бывшей краевой столице, правобережном Новосибирске, вода ни в 1930-е гг., ни тем более в годы войны, никогда не поднималась выше 3-го этажа, является бессмысленным³⁶. А ведь административные и общественные

здания сторонников «композиционного объединения» городов были еще выше! Кроме того, выход к реке означал периферическое строительство: удаление от строительных баз и мест приложения труда, от коммунальных сетей и общественных центров на расстояние до 10 км. Это создавало проблемы перемещения населения и противоречило хорошо известной всем сибирским архитекторам практике ведомственных застройщиков: строить жилье при своих предприятиях³⁷. В том, что после войны предприятия, в первую очередь, начнут застраивать ближайшие к себе участки, по определению, удаленные от рек, мало кто сомневался. Но тогда оставались открытыми вопросы, кто будет застраивать многоэтажными домами набережные Оби (жители могли осилить только индивидуальные дома), и кто будет финансировать высотные административные здания (у горсоветов, как правило, не было средств на самые скромные)? Не удивительно, что разработанные в конце 1940-х гг. для Новосибирска проекты выхода многоэтажной застройкой на реку вместе с эффектной речной панорамой остались на бумаге (рис. 4).

Реабилитация индивидуальной застройки. Исследователи архитектуры Сибири 1940 – 1950-х гг. в основном изучали многоэтажную застройку. Е.В. Хиценко показал, что в середине 1950-х гг. среди новосибирских архитекторов сложилась отрицательная оценка малоэтажного жилья. Оно считалось ущербным с архитектурно-градостроительной точки зрения и рассматривалась лишь как вынужденная мера военных лет [11; 12; 13]. Однако сопоставление этих данных со свидетельствами архивных материалов 1940-х гг. показывает, что оценка малоэтажного жилья сибирскими архитекторами не была неизменной, и в течение 1940-х – первой половины 1950-х гг. претерпела серьезную эволюцию. Так, обнаруживается, что в годы войны и первое послевоенное пятилетие архитекторы активно и увлеченно разрабатывали вопросы именно малоэтажной архитектуры (рис. 5, 6). Уже к середине войны отношение к ней изменилось коренным образом: теперь районы такой застройки были признаны полноправными частями города. Об этом свидетельствуют доклады Главного архитектора Новосибирска А.М. Дворина и начальника Новосибирского Областного отдела по делам архитектуры И.Д. Белогорцева в 1943–1944 гг.³⁸ Они считали, что решение жилищной проблемы в городах Западной Сибири в военный и послевоенный период будет возможно в основном за счет массового малоэтажного строительства и поэтому получит «большое значение строительство малых жилых домов индивидуального пользования рабочих и служащих»³⁹. Одновременно, исходя из военного опыта, считалось, что «едва ли имеются основания предполагать значительное новое капитальное многоэтажное жилое строительство»⁴⁰. Таким образом, архитекторы приходили к важному выводу, что тип застройки «будет отличаться от довоенного. Если раньше ведущим типом было многоэтажное в 4–5 этажей капитальное строительство, то на ближайший период времени таковое будет целесообразно сохранить только для центральной части и основных магистралей города. Типом массового жилья будет 2–3 этаж. дом с печным отоплением, а также одноэтажные многоквартирные и индивидуальные дома»⁴¹.

С одной стороны, организованному малоэтажному строительству в этот период благоприятствовала государственная программа поддержки такого жилья⁴². С другой стороны, именно малоэтажное жилье и в 1930-е гг., и особенно в военный период, оказалось наиболее востребовано в условиях Западной Сибири. Его преимущество перед многоэтажными капитальными домами определялось общей неразвитостью строительной и коммунально-бытовой инфраструктуры западносибирских городов, а также суровыми климатическими условиями Западной Сибири. Никто не отрицал экономичности многоэтажной застройки. Но короткий строительный сезон и дефицит жилья требовали ускоренных методов строительства. Западная Сибирь испытывала острый недостаток механизации и строительных кадров, особенно квалифицированных. Единственным резервом ускоренного строительства становилось массовое вовлечение в него самого городского населения, что, в свою очередь, обуславливало упрощенные конструктивные решения и ограничивало высоту 2–3 этажами. Кроме того, такое жилье позволяло «переложить» на население значительные трудозатраты не только по

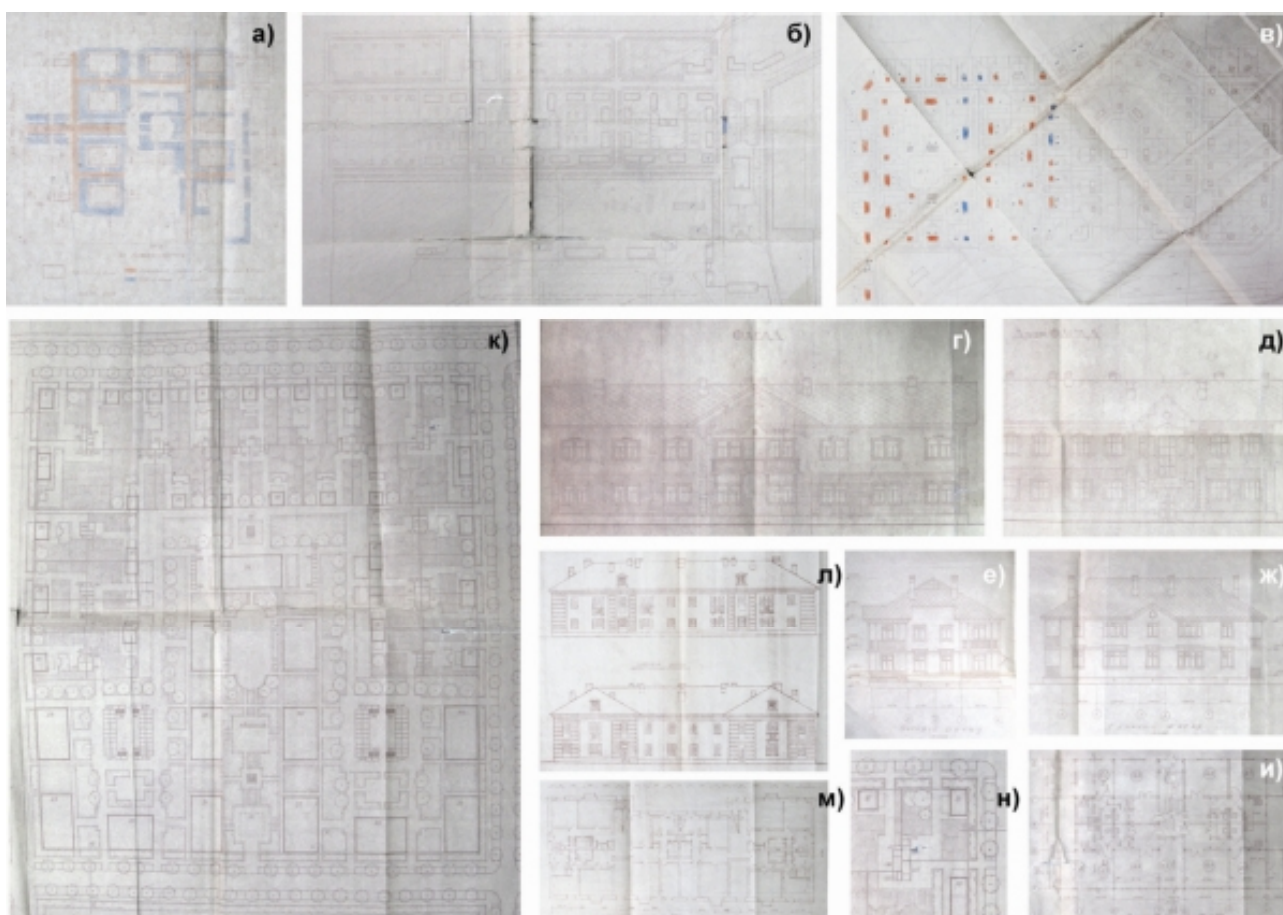

Рис. 5. Проекты малоэтажного строительства в Новосибирске (1942–1950) а) Проект планировки квартала жилищного строительства завода №208 в Новосибирске, август 1942 г. Гипрогор-СПБ. Источник: НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 245. Л. 13. Застройка 2-х этажными 8-ми квартирными жилыми домами. б) Генплан промышленной и жилой площадки завода «Вторчермет» в Новосибирске, июнь 1945 г. Промстройпроект (Сибирский). Источник: НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 169. Л. 11. в) Генплан жилого поселка №3 завода им. В.П. Чкалова в Новосибирске, июнь 1947 г. Гипроавиапром. Источник: НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 137. Л. 30. Застройка одноквартирными и двухквартирными жилыми домами. г), д) Проект 8-ми квартирного жилого дома для поселка завода им. В.П. Чкалова в Новосибирске, ноябрь 1946 г. Главный и дворовый (фрагмент) фасады. ОКС завода им. В.П. Чкалова. Источник: НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 137. Л. 29. е), ж), и) Жилой дом щитовой конструкции (типовой проект ИД-5) для поселка завода им. В.П. Чкалова в Новосибирске, февраль 1950 г. Боковой и главный фасады, план 1-го этажа. ОКС завода им. В.П. Чкалова. Источник: НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 137. Л. 28. з), и) Проект жилого поселка завода №520 в Новосибирске, апрель 1943 г. Генплан и фрагмент. Гипрогор-СПБ. Источник: НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 337. Л. 43. Застройка индивидуальными, 8-ми и 12-ти квартирными жилыми домами. л), м) Проект 2-х этажного шлакобетонного 12-ти квартирного жилого дома для поселка завода №520 в Новосибирске (типовой проект 1946 г.). 1949. Главный и дворовый фасады, план этажа. ОКС завода №520. Источник: НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 337. Л. 46, 47.

его строительству, но и по коммунально-бытовому обслуживанию⁴³. Это было важно для западносибирских городов, не имевших коммунальных предприятий, развитой торгово-распределительной сети и пригородного хозяйства. В этой связи большое значение имела «политическая реабилитация» городского индивидуального участка, получившего теперь идеологически выигрышное наименование «индивидуального мичуринского садика»⁴⁴.

Изменилось отношение к архитектуре малоэтажного жилья. Дворин обращал внимание на опыт, согласно которому «все временные виды жилого строительства фактически не являются временными и сохраняются на долгие годы». Поэтому при разработке архитектурного решения, выборе материала и конструкции «будет правильным исходить из достаточной долговременности (15–25 лет) этого строительства»⁴⁵. Большой спрос на малоэтажное строительство привел к тому, что уже в ходе войны, в 1943 г., эвакуированные в Новосибирск

специалисты бригады Академии архитектуры – архитектор А.И. Гегелло, инженер В.Ф. Райлян, архитектор В.С. Кролевец и др. разработали типовые проекты малоквартирных жилых домов упрощенных конструкций, рассчитанные на широкое использование местных строительных материалов – дерева, промышленных отходов и грунтов. По этим проектам заводы развернули широкое строительство для своих рабочих, а в конце войны был издан и альбом проектов, что дало «возможность широкого выбора типа индивидуального домика в соответствии вкусам и имеющимся у застройщика материалам»⁴⁶. В 1943–1946 гг. среди архитекторов был организован ряд конкурсов на упрощенное и малоэтажное жилое строительство. Так, согласно программе открытого конкурса, проведенного в 1944 г. Новосибирским областным Отделом по делам архитектуры, необходимо было учесть не только местные строительные материалы и климатические условия, но также культурно-бытовые, художественные и строительные традиции местных народов. В качестве образцов должны были служить также деревянные постройки Омска, Барнаула, Томска, Иркутска и других городов Сибири⁴⁷; т. е. конкурс предусматривал широкое изучение архитекторами региональных условий.

Планировке районов индивидуальной застройки и их увязке с городом в годы войны также было уделено большое внимание⁴⁸. Малоэтажная застройка означала примат пешеходного сообщения и отсутствие культурно-бытовой инфраструктуры. Поэтому, например, И.Д. Белогорцев считал, что «нельзя отбросить район индивидуального строительства на край города, не обеспечив ему нормальных связей с промышленностью и другими районами города». Он возражал против взглядов некоторых местных специалистов, что «районы индивидуального строительства можно рассматривать как самостоятельные поселки, почти не связанные с общегородской экономической и культурной жизнью». Он считал, что «район индивидуальной застройки есть один из необходимых районов города, а потому вопрос его организации есть одна из проблем строительства всего города»⁴⁹. Какими приемами размещения архитекторы думали решить эту противоречивую задачу?

В годы войны вновь стала актуальной идея о преемственности между «временным» и капитальным городом, высказанная еще в годы первых пятилеток представителями градостроительского направления. В связи с выгодами «взаимной поддержки» временного и капитального строительства Белогорцев считал необходимым шире использовать опыт инженера Щербакова, «который, работая над проблемой организации территории под индивидуальное строительство, пришел к выводу о необходимости передвижения малоэтажной застройки от окраин к центру города» и размещения ее в крупных кварталах, предназначенных в будущем под капитальное строительство. Для этого мелкие кварталы индивидуальной застройки (по несколько штук) строго вписывались в очертания крупных. Мощение производилось только между крупными кварталами, а здания культурно-бытового обслуживания (школы, ясли, детсады, бани и др.) должны были строиться капитальными «с тем, чтобы при последующей смене деревянного фонда капитальным, они могли бы быть использованы по своему функциональному назначению». По мнению Белогорцева, «такая организация районов индивидуальной застройки вполне удовлетворяет нужды текущего строительства и обеспечивает последующую безболезненную замену временного фонда капитальным строительством»⁵⁰. Аналогично рассуждал Дворин, когда предлагал выделить «городскую категорию строительства усадебного типа»⁵¹ и районы такого строительства располагать «в основной планировочной системе близ центральной части города»⁵². Это позволяло, «не ломая принятой генсхемой планировочной структуры города в границах запроектированных кварталов», размещать в них малоэтажное строительство путем «расчленения крупных кварталов капитального жилья внутриквартальными проездами»⁵³. поэтапное освоение городской территории и накопление объектов инфраструктуры было актуально для Западной Сибири. Вблизи центральных районов остались крупные неосвоенные участки (незастроенные или с низкоплотной застройкой), а ведомственное финансирование гражданского строительства на периферии означало бы долгострой, «некомплектное»

Рис. 6. 2-х квартирный жилой брусчатый дом в г. Прокопьевске, фотография 1949 г. Источник: ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 3. Д. 51. Л.8.

строительство и привело бы к дальнейшему разрастанию городской территории.

При проектировании районов малоэтажной застройки предлагалось широко использовать опыт поселкового строительства в США. В частности, крупные кварталы с «форумом» (общеквартальным общественным пространством) в центре, что давало бы «при индивидуальном принципе землепользования общественную внутриквартальную площадь для игр, отдыха и упражнений»⁵⁴.

О том, насколько идеи широкого внедрения в городскую застройку малоэтажного жилья из местных материалов оказались востребованы в дальнейшем, свидетельствует практика послевоенного строительства. В декабре 1951 г. в Новосибирске состоялось творческое совещание по вопросу массового жилищного строительства городов Урала и Сибири, на котором Главные архитекторы городов подвели итоги послевоенного строительства. В Новосибирске за 1946–1950 гг. из всего объема сданной в эксплуатацию жилой площади малоэтажное строительство составляло 87,4% (48,8% одноэтажное и индивидуальное, 38,6% 2–3-этажное строительство), а 4–5-этажное составило только 12,6%⁵⁵. В Кемерово в 1945–1948 гг. «многоэтажного капитального строительства не было совсем» и «основными типами массового строительства в городе были одноэтажные и двухэтажные жилые дома»⁵⁶. В Сталинске, где решением правительства было создано специальное управление по строительству индивидуальных типовых домов для металлургов и угольщиков, такое строительство достигло «огромных размеров в 1947–1948 гг.»⁵⁷. Как обнаружилось на заседании, промышленных застройщиков, особенно Угольные управления, малоэтажное жилье прежде всего привлекало возможностью не вкладывать средства в культурно-бытовую и инженерную инфраструктуру. В результате довольно большое количество поселков в Новосибирске, Омске, Кемерово и Сталинске осталось и без инфраструктуры, и без пешеходной связи с городскими

центрами⁵⁸. Но там, где интересы горисполкомов и предприятий совпали, и жилые поселки были размещены поблизости от центров городов, удалось добиться кооптации индивидуального жилья с культурно-бытовыми объектами, коммунальными сетями и благоустройством⁵⁹.

Таким образом, материалы Новосибирского областного отделения Союза советских архитекторов военных лет рисуют картину напряженной работы архитекторов не только по «утилитарному» строительству, но и с точки зрения развития архитектурно-градостроительной мысли. Ее стимулом стали личные и творческие контакты с ведущими зодчими. Трехлетнее общение с ними не могло заменить разрушенную за годы войны довоенную организацию проектного дела, но подарило местным архитекторам надежду – архитектурную мечту, к которой нужно было стремиться после войны. Возникли представления о городе, как развивающемся во времени явлении, сочетающем различные типы застройки и пространств, а также тенденции к изучению региональной специфики. Вместе с тем архивные материалы свидетельствуют, что сибирские архитекторы, как и их коллеги из европейской части страны, проигнорировали явления самоорганизации городов, наблюдавшиеся в годы войны. К ним вполне применимы слова Ю.Л. Косенковой о том, что и в послевоенный период «город для архитектурно-градостроительного сознания по-прежнему оставался безжизненным объектом манипулирования, полностью подчиненным проектной воле архитектора» [2, с. 40].

Выводы

Развитию архитектурно-градостроительной мысли в Западной Сибири военных лет способствовали следующие факторы.

1. Наиболее значимым представляются творческие контакты с эвакуированными в Западную Сибирь крупнейшими зодчими Союза. Под их влиянием возникли идеи об объединении местных архитектурных сил и, в частности, об укреплении творческих организаций: об открытии в Сибири филиала Академии архитектуры, Дома архитектора, Архитектурного факультета, реализованные в конце 1950-х гг. Это нормализовало условия творческой работы. Приезжие мастера сумели пробудить у местных архитекторов интерес к изучению региональной специфики. Возникли идеи о необходимости увязки архитектуры с местными природными и строительными условиями. Стал изучаться опыт планировки сибирских городов советского периода.

2. Другим фактором стали практика реального строительства и наблюдение за функционированием городов в военный период, когда обнаружилось, что самые неказистые типы пространств и застройки могут быть полезны, если их умело использовать в комплексе с местными условиями. Как результат, среди местных архитекторов возник интерес к фрагментам градovedческих знаний и некоторые из них теперь считали, что хорошо зарекомендовавшая себя в годы войны «мозаичность» застройки должна сохраниться с определенными коррективами и в послевоенных городах.

3. Анализ послевоенного развития западносибирских городов показывает, что целый ряд архитектурно-градостроительных идей, возникших в военные годы, получил после войны дальнейшее развитие и нашел отражение в практике. Местные архитекторы восприняли идею формирования целостной городской среды, актуальную для пестрых в стилистическом отношении городов Западной Сибири. В послевоенный период более широкое развитие получила тенденция архитектурно-композиционной увязки нового строительства с возведенными ранее зданиями. Прослеживается устойчивая тенденция «стягивать» к общественным центрам городов источники общественно-культурной жизни – парки, скверы, учебные заведения. Широкое распространение в послевоенные годы получила и малоэтажная застройка, размещавшаяся вблизи центральных районов. Продолжали развиваться творческие контакты с архитекторами Ленинграда и Москвы; в этих условиях получили продолжение поиски «сибирской архитектуры».

Таким образом, для развития архитектурно-градостроительной мысли в Западной Сибири

период Великой Отечественной войны (1941–1945) был важным, если не решающим, этапом. Сибиряки приобщились к архитектурно-градостроительной мысли общесоюзного масштаба, что запустило в их среде процесс активных творческих поисков.

Примечания

¹Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1444. Оп.1. Д.15. Л.1-2.

²ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 20. Л. 5, 12об., 15-15об.

³ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 54. Л. 4об.

⁴ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21. Л. 2об., 4.

⁵ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21. Л. 5 об.

⁶Слова о необходимости «работы над собой» Гегелло повторил несколько раз (там же, л.4-5об.).

⁷ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

⁸ГАО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д. 21. Л. 5об.

⁹ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 30. Л. 1об.-2.

¹⁰ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 30. Л. 3-3об.

¹¹ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 27. Л. 26-28а об.; Д. 26. Л. 4–6.

¹²ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

¹³ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 3-3об., 4, 5.

¹⁴ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 28. Л.5об.; ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 30. Л.10об., 23.

¹⁵Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 584. Оп. 1. Д. 7. Л. 34–34об.

¹⁶ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

¹⁷ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.

¹⁸ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 30. Л. 22об.

¹⁹ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 28. Л. 1об.-2, 4.

²⁰ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 28. Л. 6об.

²¹ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21. Л. 3-4. Видимо, самой невероятной для местных архитекторов стала мысль о возможности взаимной увязки разностильных зданий – при помощи масштаба, объемно-пространственного решения, членений, деталей, цвета.

²²ГАО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д.90. Л. 33–34.

²³При этом все архитекторы сходились во взглядах на будущее зонирование: на необходимости выноса вредных предприятий и их инфраструктуры из городских центров, благоустройстве оврагов и необходимости по-новому использовать местные условия.

²⁴ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д.32. Л. 11об-12. Территорию бывшего периферического ЦПКиО предполагалось использовать под дачное строительство (там же, л.12).

²⁵ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 12об.

²⁶ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 39об.

²⁷ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.

²⁸ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

²⁹Градоведческий подход в отечественном градостроительстве первой половины XX в. рассмотрен Ю.Л. Косенковой [1, с.14-15, 20, 23, 42; 2, с.242-243; 10, с.37–40].

³⁰Ю.Г. Кругляков писал: «В Ленинграде, несмотря на то, что Центральный парк культуры и отдыха очень благоустроен, красив и популярен среди населения и имеет площадь 94 га, ленинградцы посещают его в среднем один раз в год: число посетителей за год (2,6 млн.) примерно равно числу жителей города. Рядом расположенный Приморский парк Победы и Московский парк Победы вместе взятые имеют еще меньше посетителей в год. А парк культуры и отдыха, который был в прошлом устроен в Таврическом саду, площадью всего в 17,5 га, привлекал почти столько же посетителей, сколько и ЦПКиО, – свыше 2,2 млн. человек в год. Интересно, что в Москве, где парки культуры и отдыха гораздо крупнее, чем в Ленинграде, и самые крупные хорошо соединяются метрополитеном с жилыми районами, посещаемость всех

парков составляет всего 2 раза в год на жителя. Это объясняется тем, что парки расположены на периферии селитьбы. Но если парк находится в центре густо заселенного района, то, как бы он ни был мал, посещаемость его во много раз (относительно) выше крупных благоустроенных парков периферийного расположения». См.: Кругляков Ю.Г. Эффективность системы озеленения города / Ю.Г. Кругляков. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С.78.

³¹Кругляков, Ю.Г. Принципы размещения садов и парков в системе планировки города и некоторые вопросы их проектирования: автореф. дис. ... д-ра архитектуры / Ю.Г. Кругляков. – Л., 1953. С.19.

³²ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 30. Л. 2об.

³³Так, вполне реалистично, выглядел общественный центр Томска на перспективах к генплану Гипрогора 1947 г.: человеческий масштаб, полуоткрытые площади и скверы, относительно небольшие общественные здания. См.: Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина. – ФГС. Оп.9. Л. 12. Ф. 5, 6.

³⁴Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 2. Д. 83. Л.13.

³⁵ГАНО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д. 127. Л. 59.

³⁶ГАНО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д. 127. Л. 63. Так, новосибирский архитектор Н.И. Болотин вспоминал в 1955 г., что «когда проектировали семиэтажные дома с башнями, разве не было здравых голосов, которые говорили, что это бессмыслица». Он с сарказмом предлагал в случае их постройки «на 7-м этаже каждому автору по квартире закрепить за ним навечно, чтобы он жил и знал, как ездить на этих лифтах за водой на первый этаж, потому, что мы все знаем в течение 30 лет в Новосибирске вода подается [только] до 3-го этажа» (там же).

³⁷Все архитекторы признавали, что ведомственность уже в довоенный период привела к тому, что «крупные общественные здания были разбросаны по периферии города [в рабочих поселках предприятий], а по Красному Проспекту и прилегающим к нему кварталам строительство велось разбросанно и без должной увязки». См.: ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 28. Л. 7об.; см. также: ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 127. Л. 34.

³⁸До 1943 г. в состав Новосибирской области входили будущие Кемеровская (с Кемерово и Новокузнецком) и Томская (с Томском) области.

³⁹ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 16, 25.

⁴⁰ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 37об.

⁴¹ГАНО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д. 28. Л. 7об.

⁴²ГАНО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д. 32. Л. 27об. Программа включала в себя выдачу ссуд до 10 тыс. руб. каждому застройщику со сроком погашения до 7 лет.

⁴³По словам А.М. Дворина, «преимущественное место в районах расположения промпредприятий должно быть представлено строительству 2-х этажных многоквартирных домов с печным отоплением, с водоснабжением на время войны посредством устройства уличных водоразборных колонок, а также полутеплых уборных с выгребами». Кроме того, «многоквартирных блочных одноэтажных жилых домов (преимущественно в 4 квартиры), дающих наряду с высокими плотностями застройки возможности надления населения необходимыми придомовыми огородными участками». См.: ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 36об.-37.

⁴⁴Так, И.Д. Белогорцев в 1944 г. акцентировал именно этот, продовольственный, момент индивидуального жилья. Он считал, что «стремление части трудящихся окружить свое жилище небольшими садами или огородом, позволяющим использовать досуг всей семьи в полезном физическом труде, окупающемся наряду с этим урожаем плодов и овощей, заставляет [уже] сейчас обратить особое внимание на развертывание индивидуального жилого строительства». По его расчетам, оптимальный размер индивидуальной усадьбы в городе составлял 600–700 кв. м, поскольку «такая усадьба позволяет выстроить небольшой домик (в две-три комнаты с кухней), сарай для топлива, погребок с ледником, выгребную яму, организовать у дома дворик в 150-200 кв. мт. и посадить огород». Огород был необходим для выращивания «ценных

трудноперевозимых и всегда свежих овощей», что имело особое значение для Западной Сибири, «где во всю ширь встает необходимость разрешения проблемы массового внедрения в быт трудящихся свежих плодов и ягод, выращенных в местных условиях». См.: ГАНО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д.32. Л.25-26.

⁴⁵ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 37об.

⁴⁶ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.

⁴⁷ГАНО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д. 32. Л. 16об.-17. Конкурс проводился по поручению Управления по делам архитектуры при Совнарком РСФСР. Проекты предназначались для Новосибирской, Омской, Кемеровской, Иркутской областей, Красноярского края, Бурят-Монгольской и Якутской АССР. Согласно условиям, участники должны были изучить «все тонкости местного климата и других природных условий» различных степных, таежных, горных и тундровых районов Сибири. Особое внимание уделялось учету бытовых традиций и приемам художественного оформления жилищ сибирских народностей, поскольку «издавна по-разному строили свое жилье омские казахи, барабинские переселенцы, коренные сибиряки, ойроты, остяки, шорцы, хакасы, буряты, якуты, эвенки и другие народности Западной и Восточной Сибири». А «резьба русских, роспись переселенцев, вышивка казахов, живопись шорцев и якутов отражали собою местные бытовые и климатические условия». Другое условие требовало применять местные материалы, распространенные в каждом районе: дерево, камень, кирпич, саман, грунтоблоки, шлакобетонные камни, камышит и др., причем «опыт народного строительства из грунтов также должен найти применение в проектах типовых жилищ» (там же).

⁴⁸Этого требовало и постановление Совета народных комиссаров СССР, которое обязывало горисполкомы с одной стороны, «отводить земельные участки для индивидуального жилищного строительства в районах, имеющих достаточное благоустройство (водоснабжение, электроосвещение, транспорт)», а с другой, «на которых можно было бы обеспечить непосредственную связь с промпредприятиями». См.: ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 25.

⁴⁹ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 25-25об.

⁵⁰ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.

⁵¹К ней он относил районы строительства многоквартирных и сдвоенных двухквартирных домов. Размер усадьбы для этой категории предлагалось установить в 400-600 кв. м., а «стеновым материалом, в связи с малым размером участка, должен быть намечен кирпич, грунтоблоки или другой несгораемый материал, кровли также несгораемые». См.: ГАНО. Ф. Р-1444. Оп.1. Д.32. Л.37.

⁵²См.: ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.

⁵³ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 28. Л. 7об.

⁵⁴ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 26об.

⁵⁵ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91. Л. 24.

⁵⁶ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91. Л. 167.

⁵⁷ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91. Л. 140. Одновременно в Сталинске, в отличие от других городов Западной Сибири, велась комплексная капитальная застройка в центральных районах.

⁵⁸ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91. Л. 23-25, 39-40, 141-142, 167-168.

⁵⁹ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91. Л. 141-142, 168.

Библиография

1. Косенкова, Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: автореф. дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01 / Ю.Л. Косенкова. – М., 2000. – 50 с.
2. Косенкова, Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. / Ю.Л. Косенкова. – М.: Либроком, 2009. – 440 с.: ил.
3. Баландин, С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н.

Баландин. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.: ил.

4. Баландин, С.Н., Пустоветов, Г.И. Из истории архитектурного образования в Сибири / С.Н. Баландин, Г.И. Пустоветов. – Новосибирск: ВО Наука. Сибирская изд. фирма, 1993. – 87 с.: ил.

5. Баландин, С.Н. Архитектура Барнаула / С.Н. Баландин. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1974. – 112 с.: ил.

6. Долнаков, А.П., Долнакова, Е.А., Зотева, Л.А., Степанская, Т.М. Памятники архитектуры города Барнаула / Науч. ред. Е.А.Ащепков / А.П. Долнаков, Е.А. Долнакова, Л.А. Зотева, Т.М. Степанская. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. – 160 с.: ил.

7. Кочадамов, В.И. Омск. Как рос и строился город / В.И. Кочадамов. – Омск: Омск. кн. изд-во, 1960. – 112 с.: ил.

8. Новосибирск. История генеральных планов в документах / Автор-составитель В.Н.Шумилов; Мэрия Новосибирска. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2007. – 440 с.: ил.

9. Кузеванов, В.С. Формирование Омского отделения Союза советских архитекторов в 1930-1950-е гг. / В.С. Кузеванов // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15–18 апреля 2014 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худож. акад., 2014. – Т.IX. – Ч.2. – С. 107–117.

10. Косенкова, Ю.Л. Научное наследие Г.В. Шелейховского и его место в истории советского градостроительства / Ю.Л. Косенкова // Academia. Архитектура и строительство. – 2007. – № 3. – С. 37–40.

11. Хиценко, Е.В. Особенности типологии жилой застройки западносибирских городов военных лет [Электронный ресурс] / Е.В. Хиценко // Архитектон: известия вузов. – 2013. – №2(42). – URL: http://archvuz.ru/2013_2/11

12. Хиценко, Е.В. Развитие жилой застройки городов Западной Сибири в послевоенное десятилетие [Электронный ресурс] / Е.В. Хиценко // Архитектон: известия вузов. – 2013. – №3(43). – URL: http://archvuz.ru/2013_3/15

13. Хиценко, Е.В. Архитектурное проектирование жилых зданий Западной Сибири в 1945–1955 годах [Электронный ресурс] / Е.В. Хиценко // Архитектон: известия вузов. – 2014. – №1(45). – URL: http://archvuz.ru/2014_1/11

Произведение «Развитие архитектурно-градостроительной мысли Западной Сибири в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)», созданное автором по имени Духанов Сергей Сергеевич, публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть доступны на странице ssd613@ngs.ru.

Духанов Сергей Сергеевич
кандидат архитектуры, доцент,
Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия,
Новосибирск, Россия, e-mail: ssd613@ngs.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2014

Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2015_1/11

© С.С. Духанов 2015

© УралГАХА 2015

ADVANCEMENTS IN ARCHITECTURAL AND PLANNING THOUGHT IN WESTERN SIBERIA DURING THE SECOND WORLD WAR

Dukhanov Sergey S.

PhD (Architecture), Associate Professor,
Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts,
Novosibirsk, Russia, e-mail: ssd613@ngs.ru

ABSTRACT

The article reviews advancements in architectural and planning thought in Western Siberian cities during the war. It might appear at first sight that the conditions of being deep in the rear of the frontlines and at the periphery in relation to the principal architectural centres of the Soviet Union were not conducive to this. However, the war period proved to be most productive in terms of progress in the profession. Firstly, creative search among the local architects was encouraged by contacts with the country's lead architects who had been evacuated to Siberia, and creative collaborations continued well into the post-war period. Secondly, the extreme conditions in which Western Siberian cities had to function during the war stimulated interest in urban planning studies. As a result, the local architects were able to expand their outlook, demonstrating growing aspirations towards realism and interest in local context studies.

KEY WORDS

architecture of the war period, history of Soviet urban planning; urban planning in Western Siberia

References

1. Kosenkova, Yu.L. (2000) Soviet City of the 1940s – First Half of the 1950s. Summary of Doctor of Architecture dissertation: 18.00.01. Moscow (in Russian)
2. Kosenkova, Yu.L. (2009) Soviet City of the 1940s – First Half of the 1950s. From Creative Search to Building Practice. 2nd ed. Moscow: Librokom (in Russian)
3. Balandin, S.N. (1978) Novosibirsk. History of the Plan 1893–1945. Novosibirsk: Western Siberian Book Publishing (in Russian)
4. Balandin, S.N., Pustovetov, G.I. (1993) From the History of Architectural Education in Siberia. Novosibirsk: Nauka Siberian Publishing Company (in Russian)
5. Balandin, S.N. (1974) The Architecture of Barnaul. Barnaul: Altay Book Publishing.
6. Dolnakov, A.P., Dolnakova, E.A., Zoteyeva, L.A., Stepankaya, T.M. (1982) Architectural Monuments of Barnaul. Барнаул: Altay Book Publishing (in Russian)
7. Kochedamov, V.I. (1960) Omsk. How the City Grew and Was Built. Omsk: Omsk Book Publishing (in Russian)
8. Shumilov, V.N. Novosibirsk. (2007) History of the Master Plans in Documents. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing (in Russian)
9. Kuzevanov, V.S. (2014) Formation of the Omsk Division of the Union of Soviet Architects in 1930-1950s. Balandin Readings: collected articles in memory of S.N.Balandin, 15–18 April 2014. Novosibirsk: Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts. Vol.IX., Part 2. P. 107-117 (in Russian)
10. Kosenkova, Yu.L. (2007) The Research Legacy of G.V. Shelekhovsky and His Place in the History of Soviet Urban Planning. Academia. Architectural and Construction. No. 3. P. 37-40 (in Russian)
11. Khitsenko, E.V. (2013) The Typological Features of Residential Housing Construction in Western Siberian Cities During the War Years [online] Architecton: Proceedings of Higher Education. No.2(42). Available from: http://archvuz.ru/2013_2/11 (in Russian)

12. Khitsenko, E.V. (2013) Residential Developments in Western Siberian Cities during the Post-War Decade [online] Architecton: Proceedings of Higher Education. No.3(43). Available from: http://archvuz.ru/2013_3/15 (in Russian)

13. Khitsenko, E.V. (2014) Architectural Design of Residential Buildings in Western Siberia in 1945-1955 [online] Architecton: Proceedings of Higher Education. No.1(45). Available from: http://archvuz.ru/2014_1/11 (in Russian)

Article submitted 08.12.2014

The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2015_1/11

© S.S. Dukhanov 2015

© USAAA 2015